

**Николай Дмитриевич Игнатьев — главный библиотекарь и старший
библиограф по русской книге Государственной Публичной библиотеки
имени М. Е. Салтыкова-Щедрина¹**

Введение

С чувством глубокого удовлетворения узнала я, что Библиотека решила вступить на путь персонального изучения своих выдающихся библиотекарей, развернуть портретную галерею своих деятелей.

Профессия библиотекаря, несмотря на государственное признание, далеко еще не получила должной оценки и широких кругах нашего общества, и я не раз с горечью замечала при перечислении профессий, что знание библиотекаря ничего не говорит докладчику, т. к. он и не упоминает о нем. Врач, педагог, инженер — это понятная, реальная и ведущая сила, а себя мы должны были искать в какой-то общей туманной массе людей с непонятными заданиями и неясной деятельностью. И только проходя мимо читальных залов Библиотеки, видя десятки склоненных над книгами годов, зная, чего стоило иногда библиотекарю выполнение того или другого читательского заказа, — я одиноко и молчаливо, но всегда испытывала чувство большого удовлетворения.

Если самый скромный труд в настоящее время признается, как самодовлеющая сила — пора в широких кругах общества пропагандировать ведущую и ответственную роль библиотекаря в любой библиотеке, а в мировой библиотеке в частности. Работа по накоплению и обработке книг, разумному хранению их и быстрейшему продвижению к читателю является настоящим государственным делом крупного значения.

Для непосвященного в наши закулисные дела кажется совершенно естественным ход мыслей: писатель и художник творит, инженер строит, педагог

¹Вновь пересмотренный и несколько исправленный доклад, прочитанный мною в 1947 г. на траурном заседании, посвященном ведущим сотрудникам Библиотеки, скончавшимся в 1942 году.

несет просвещение в массы, а что же делает библиотекарь? Берет книгу с полки и подает читателю.

Сколько проблем возникает, начиная с комплектования библиотеки и вплоть до подачи читателю требуемой книги, сколько энтузиазма, горения, сколько взятых крепостей и больших творческих подъемов переживается коллективом, чтобы книги, созданные мозгом разных народов в разные эпохи их жизни, послушно раскрылись в вечерний или утренний час перед его любознательным взором! Читатель иногда и не знает, сколько догадок и ухищрений делает библиотекарь, чтобы не ошибиться и подать именно ту, которая ему необходима, единственную нужную ему из нескольких миллионов, стоящих на протяжении многих километров.

В нашем грандиозном книжном хозяйстве все всегда должно быть на своем месте и в полном порядке, т. к. сотрудники крупной библиотеки никогда не знают заранее, что сейчас потребуется жизнью, какой век или год выступит на мировую сцену, что станет актуальным, своевременным и самым необходимым, из какого шкафа какой, может быть, неразрезанный экземпляр властно и срочно потребует читатель.

Краткая биография Н. Д. Игнатьева

Наша Библиотека вправе гордиться многими именами своих деятелей, как в далеком, так и в недавнем прошлом. На мою дело выпала честь охарактеризовать работу Николая Дмитриевича Игнатьева, моего доброго наставника и старшего товарища, знатока фонда русских книг.

Биография Н. Д. Игнатьева, по собственному его свидетельству, несложна и может уместиться в немногих строках. Он родился в 1876 году в Петербурге в дворянской семье. О родителях своих он знал только по рассказам, т. к. отец умер в день его рождения, а мать — спустя полгода после него. Воспитывался мальчик вместе с братьями у тетки — вдовы, получавшей пенсию.

Образование Николая Дмитриевича началось с большим опозданием ввиду его болезненного состояния (паралич всей правой стороны) и шло замедленным темпом по той же причине. Он окончил 1 кадетский корпус в 1895 году. В 1901 году

Николай Дмитриевич сдал экзамены на аттестат зрелости при С.-Петербургской 6-й гимназии и поступил в Харьковский университет на историко-филологический факультет. Кончить его Николаю Дмитриевичу не удалось из-за болезни (пришлось уйти с 3-го курса). В октябре 1909 г. он поступил в Публичную библиотеку, где непрерывно работал по день смерти, случившейся в первый страшный год Великой Отечественной войны, в конце января 1942 г. в стационаре при Педагогическом институте им. Герцена. Место погребения его, вероятно, братская могила.

Приведу два отрывка, говорящие сами за себя, из его в высшей степени скромной и немногословной автобиографии.

«С юных лет стремился я к библиотечной работе и только и мечтал по окончании учения поступить в Библиотеку. Могу сказать, Библиотека — моя жизнь, т. к. вся жизнь связана с ней и работой в ней».

«С момента вступления в Библиотеку, насколько позволяли мне мои силы и умение, я всегда старался прийти на помощь читателю. И в настоящее время, когда я в своей работе соприкасаясь непосредственно с читателем, для меня служит глубоким удовлетворением и стимулом в моей работе то, что я могу передать частицу знаний, которую имею, молодому поколению, строящему новую жизнь».

Иногда к службе подходит с личной точки зрения: что даст мне учреждение за то, что я окажу ему честь состоять в ряду его сотрудников. Некоторые же служат не за страх, а за совесть, без корыстных расчетов, ради любви к своему делу, и к числу подобного рода людей принадлежал Николай Дмитриевич Игнатъев.

Он шел всю жизнь по одному, раз и навсегда избранному пути, типичный однолюб, и потому так много успел сделать на своей ниве, несмотря на болезненное состояние и малые силы.

Верным другом его, опекуном и хранителем была его добрая жена, Прасковья Федоровна Игнатъева, высоко ценившая мужа, неизменно создавшая ему домашний уют для его занятий, оберегавшая его, пока ей самой не начали изменять силы, от всех житейских забот и готовая пойти на все жертвы ради благополучия дорогого ей человека.

Потеря единственной, горячо любимой дочери в раннем детстве оставила глубокую рану в их семье на всю жизнь.

Н. Д. Игнатъев — сотрудник б. Русского отделения

Маленький, скромный, болезненного вида человек, затерявшийся в громадном двухсветном зале, насыщенном благоговейной тишиной. В прошлом библиотекари работали в самом книжном фонде возле каталогов, отражающих его содержание. Во главе каждого отделения стоял заведующий, получивший это назначение ввиду наличия больших научных знаний и солидного библиографического багажа, увеличивавшегося в объеме в силу неустанной ежедневной работы на подведомственном ему участке книгохранилища. Все операции производились на месте: каталогизация, размещение новых поступлений обязательного экземпляра, отметка читательских требований и т. п.

Во главе русского отделения в то время стоял замечательный старик Владимир Иванович Сайтов, член-корреспондент Академии наук, известный литературовед и пушкинист, библиограф, библиофил, работающий и строгий хозяин вверенного ему фонда. Свежестью и деловитостью веяло от его крепкой, аккуратной и энергичной небольшой фигуры и тщательно выбритого лица. Зоркий взгляд из-под насупленных бровей, меткая сатира по поводу кого или чего-либо, смешок про себя, чтобы не вызвать развала дисциплины в подчиненных, неустанное наблюдение за тишиной в отделении и за прилежанием сотрудников.

Правой рукой его был Николай Дмитриевич Игнатъев, полная противоположность властному (а иногда и крутому) главе Русского отделения. Много лет он просидел со стариком за одним столом у второго окна в величавом 18-м зале.

Николай Дмитриевич принес с собой громадную любовь к книге, багаж библиографа и библиофила, неистощимую любознательность, склонность к усердному и кропотливому труду, которого обязательно требует книжная профессия, и незаметно вырастал в «чародея русской книги»².

²Определение Я. Х. Якобсона, данное Н. Д. Игнатъеву и И. И. Слонимскому в статье его «Памяти павших товарищей» («Сокровищница культуры и знания». Стенная газета, выпущенная в

Небыстрый в движениях, застенчивый и тихий («тишайший», как, помнится, назвал его Владимир Иванович), он проворачивал за день горы изданий, т. к. занимался постановкой книг (размещением по залам и шкафам новых поступлений)³, вместе с В. И. Саитовым и руководил каталогизацией.

Эта работа давала ему возможность обзирать *de visu* вливающиеся в фонд книжные богатства и удерживать многое в своей специфической памяти библиотекаря. Поступала ли коллекция каких-нибудь ведомственных изданий, изысканный ли дар библиофила, покупное ли редкое издание, шел ли степенно и неуклонно обязательный экземпляр, красуясь свежими обложками — всему надо было определить место, водворить прибывших гостей, согласно заслуженному ими вниманию, и ежедневно увеличивать и без того грандиозную цифру поступления отечественных изданий.

Отсюда у Николая Дмитриевича его глубокое знание русского фонда, всех его редкостей, сокровищ, коллекций и нормальных обязательных поступлений, умение планировать работу, зная средний ежегодный прирост книг и т. п.

Медленно двигалась стрелка на больших часах Круглого зала, разливались сумерки в настороженной рабочей тишине, неровные шаги Николая Дмитриевича затихали у его места, шелестели страницы, росли груды зашифрованных поступлений. Зимний производственный день в те далекие времена кончался с наступлением темноты.

Надо вспомнить старые годы, когда в каждом отделении Библиотеки текла своя каталогизационная жизнь. Время от времени внедрялись некоторые нововведения, но в общем книги описывались, не мудрствуя лукаво, по немногим общим установленным правилам.

В те годы надо быть иметь много внутреннего огня, большой сознательности и волевого устремления, чтобы поставить в алфавитный каталог сеть авторских и

Мелекесе к 130-летию Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 14 января 1944 г.).

³Постановкой брошюр в мое время занимался В. И. Саитов и др. сотрудники.

иных разделителей, покрывая этим, как крышей, предварительную трудную, кропотливую библиографическую работу.

Очень много внимания, терпения и труда положил Николай Дмитриевич на библиографическую редакцию старого алфавитного каталога. Его трудами разобраны массивы карточек авторов-однофамильцев (напр., Ивановы, Соколовы, Федоровы и др.), которые целиком вошли впоследствии в новый алфавитный каталог, не нуждаясь в проверке, чем была в значительной мере облегчена работа его преемников. Он сам себя называет одним из основателей работы по составлению репертуара русской книги. По сути дела, его можно назвать начинателем коренной библиографической редакции старого алфавитного каталога.

Конечно, не один Николай Дмитриевич приложил мастерство своих рук к ценнейшему аппарату старого русского фонда, но он изо дня в день планомерно и всесторонне совершенствовал его, всячески облегчая трудности пользования каталогом.

Печатная карточка сменит в недалеком будущем старинный каталог б. Русского отделения, равнодушно сотрет различие почерков, и громадная библиографическая работа, которой он был насыщен, сделанная не одним маститым библиографом, останется бессмертной, но уже безымянной. Заслуженный старик, уходящий в ближайшие годы на покой, должен быть прежде всего воссоздан из разрозненных ныне частей и, кроме того, должен получить солидную обложку для лучшей сохранности содержимого и для удобства обращения к нему, как к ценнейшему и интереснейшему рукописному наследию прошлого. В стенах Библиотеки для него обеспечено место хранения.

На всем протяжении совместной работы с Николаем Дмитриевичем (а я пришла в Русское отделение в 1918 году), кажется, не проходило дня, чтобы он, помимо многих других дел, не преодолевал какое-нибудь замеченное в каталоге неудобство или ставил в нем спасительный маяк. Так, например, возникли справочные карточки к бесчисленным календарям или к трудам съездов российских хирургов, частично разысканных даже в журналах, дающих полную картину этих крайне ценных для специалистов изданий. Тихо, без шума, изо дня в день творилось

большое дело упорядочения каталожного и книжного хозяйства в русской части мировой библиотеки.

Приведу два отрывка из отзывов, данных Николаю Дмитриевичу к 25-летию его работы в Библиотеке в 1934 г. (См. его автобиографию — Архив. Личное дело Н. Д. Игнатъева, лист 38).

1) Местное бюро Секции научных работников.

«Игнатъев — видный библиограф и исследователь в области русской книги. Ряд принадлежащих ему печатных работ содержит ценный, впервые проработанный библиографический материал. Особое значение имеет долголетняя работа тов. Игнатъева по определению авторов анонимно выходивших русских книг и по раскрытию авторских псевдонимов. Есть целые разделы печатных произведений, точными указаниями об авторах которых русская библиография обязана Н. Д. Игнатъеву. Его трудам и кропотливой исследовательской работе, не говоря уже о большой эрудиции в области теории и методологии библиографии, в свою очередь, многим обязан важнейший научный аппарат крупнейшего государственного книгохранилища Союза — русский каталог Публичной библиотеки».

2) Дирекция.

«Обладая большими библиографическими познаниями, тов. Игнатъев широко использовал их как при библиографическом обслуживании читателей, так и при составлении издаваемого Библиотекой репертуара русской книги».

Николай Дмитриевич стоял на рубеже двух эпох в жизни Библиотеки.

То, что впоследствии вылилось в большое, осуществляемое трудами коллектива, дело, то, к чему привела шумевшая вокруг Библиотеки жизнь, иногда еще раньше толкалась в его сознание и заставляло быть даже новатором в ряде вопросов.

1. При нем заметно развернулось собирание библиографического материала для создания справочного аппарата, в котором чувствовалась острая необходимость, особенно в связи с начавшейся библиографической проработкой читательских требований. Небольшие библиографические гнезда и начинания я застала уже в Русском отделении по приходе.

2. В 1926 году (до появления Московской инструкции и печатной карточки) у Николая Дмитриевича возникла мысль об описании и расстановке анонимных изданий не по рубрикам, что часто вело к затруднениям, ввиду бесконечного увеличения рубрик и непоследовательности в группировке материала, а под названием учреждений, организаций и местностей. (См. его автобиографию от 16 января 1938 г.). Это, конечно, не коллективный автор Московской инструкции, но способ «в некоторых случаях практически целесообразный», как говорит в своем «Руководстве» Николай Дмитриевич. Жизнь сама указывала новые пути. Так возник «Промежуточный каталог», свидетель живой, ищущей мысли в недрах нашей Библиотеки.

3. Русский фонд был перегружен книгами. В стройные, величественные залы вступили шкафы самых разнообразных конструкций, лепясь у колонн и занимая каждую пядь свободного места. В 1923 г. родился дробный шифр, следующая ступень за крепостным шифром, откреплявший книгу от залы и полки, дававший возможность передвижения книжных масс в любом направлении. Естественно, и этим вопросом должен был заняться Николай Дмитриевич.

4. Появление в 1927 г. печатной карточки Всесоюзной книжной палаты поставило Николая Дмитриевича перед большой реформой в деле каталогизации русской книги. В архиве Николая Дмитриевича сохранилась «Инструкция для каталогизации книг в новом алфавитном каталоге» (1927 г.). Душой этой новой ответственной работы, конечно, был Николай Дмитриевич. Когда же Библиотека вступила на путь реформ, уничтожила отделения — великие княжества — и обособила тот или другой вид библиотечной работы — этот каталог 1927–1930 г. был признан не государственной каталогизации, и, постепенно переработанный, он вошел в единый генеральный алфавитный каталог.

Никто не учел больших трудностей ответственного переходного периода и не аплодировал первым осторожным и вдумчивым начинаниям Н. Д. Игнатьева.

5. Обработка мелкого материала тоже немало заботила Николая Дмитриевича. Обязательный экземпляр требовал сохранности его во всем объеме, но надо было из экономических соображений искать пути упрощенного описания ряда изданий — и

вот возникли каталоги преискурантов и мелкого материала 1925—1929 гг., как бы намечающие теперешний фонд материалов обработки.

6. Работа печатной карточки (рекаталогизация старого русского алфавитного каталога), возникшая под руководством Николая Дмитриевича, пока не организовалась в самостоятельную группу во главе с Людмилой Давыдовной Кранцфельд. В этой группе Николай Дмитриевич работал половину дня до самой кончины в качестве библиографа, укрепляя ее своим многолетним опытом, непревзойденным знанием русского фонда и широкой, безотказной консультацией.

В автобиографии Николая Дмитриевича от 16 января 1938 г. (лист 42–43) говорится следующее:

1. В основу той колоссальной работы, которая в настоящее время ведется в Библиотеке по составлению репертуара русской книги, положен библиографический материал, в большинстве мною разработанный, и я был одним из основателей этой работы.

2. Я принимал участие в каталогизационных работах, был инициатором коллективного автора (еще до появления Московской инструкции), дополнил московские инструкции, и часть этих дополнений вошли во 2-ое издание этих инструкций.

Николай Дмитриевич — глава русской отметки и наставник молодежи

В сентябре 1926 г., ввиду недовольства дирекции неправильными отказами, посылаемыми читателям, были назначены два лица из числа сотрудников Русского отделения, за подписью которых должны были уходить окончательные ответы. Это решение дало толчок к развертыванию библиографической работы с читательскими требованиями⁴.

⁴ Попытки организовать библиографическую работу в б. Русском отделении делались еще в 1919 г. См.: Архив ГПБ. 1919 Д. 3, л. 54. (Княгининская Елизавета Александровна и Острогорский Константин Александрович).

В одной упряжке оказались двое людей совершенно несравнимой квалификации: замечательный библиограф А. А. Ларонд и автор данной работы, не только совсем не искушенный в библиографии (в то время), но не сделавший еще ни одного глотка этого пьянительного напитка. Все ненайденные требования переходили в их руки.

Николай Дмитриевич не мог остаться равнодушным к этой работе и взял шефство над слабейшей, а впоследствии над всей группой справок по русским каталогам, выросшей в самостоятельный участок. Методику библиографических розысков поставил он.

Я имела счастье работать с самых первых дней жизни новой организации русской отметки, возглавляемой Николаем Дмитриевичем, лучшим мастером нашего библиографического цеха. Имена Ивана Ивановича Слонимского и Артура Николаевича Шлосберга в составе ее говорят за себя еще многим товарищам.

Большая эрудиция, горячий темперамент, широкая, благородная, принципиальная натура, глубокие культурные традиции, стремительный бег к читателю для удовлетворения его запросов — характеризуют первого из названных. Но русская несобранность, а может быть и жизнь, полная лишений, привела к тому, что Иван Иванович не успел еще проявить себя каким-либо большим выступлением в печати или в серии докладов со своим багажом, в особенности по Вольной печати, которую он возглавлял, и которой неизменно, по мере овладения ею, восхищался.

Артур Николаевич, многогранная натура, тоже с большим культурным багажом, как древний витязь стоял на распутье. Его тянуло по трем дорогам: библиографа, классика и музыканта (на концертино). Все три дороги его влекли и интересовали, вчера больше одна, сегодня — другая, пока не засеребрились седые нити в темных волосах. Его имя можно увидеть в печати.

Потерю этих двух товарищей никогда не могу простить страшным дням блокады. А другие! Пламенная Александра Соломоновна Полетика, замкнутая и безотказно работающая Прасковья Михайловна Иванова, дельная и подкованная Анна Иосифовна Рабинович, будущий научный сотрудник Адольф Моисеевич Казиницкий. В день траурных воспоминаний я не могу не сказать о них.

Большим, дружным, хотя и шумным коллективом работали мы перед войной в три смены с дисциплинированными помощниками, летали по коридорам на вызовы и зажигались в производственных схватках. Мягкий, но уверенный голос Николая Дмитриевича козырным тузом покрывал наши споры.

К нему на стол складывались все ответы библиографов русской отметки, он оценивал их и, проверяя то одного, то другого сотрудника, часто выходил на дорогу там, где слабейший сдавался. Им, в конечном итоге, утверждались *desiderata* (отсутствующие в фонде издания), на них писались карточки, а отдел комплектования уведомлялся о лакунах. По его указанию отражались в каталоге найденные иногда в великих трудах журнальные статьи, и он же пришел к необходимости расписывания наиболее актуальных анонимных сборников и трудов, чтобы не повторять в другой раз сложных поисков требуемых статей. Одним словом, во главе своего небольшого коллектива Николай Дмитриевич вступил на путь планомерного раскрытия неисчерпаемого русского фонда. Возглавляя отметку, он работал на ее поле только наполовину, другую часть рабочего дня отдавал печатной карточке.

Николай Дмитриевич писал нескончаемое количество инструкций. Помимо всевозможных инструкций по каталогизации, самостоятельных и коллективных, им были написаны инструкции всем сотрудникам отметки, определяющие и уточняющие деятельность каждого из них.

К нему приходили товарищи со всех концов Библиотеки и посетители наших читальных залов с самыми трудными библиографическими загадками. И ребусы решались мгновением волшебной палочки за маленьким скромным столом.

Он учил нас, старших, с голосу, по преданию, и мы тоже во весь голос передавали и передаем дедовское предание молодым. Но в помощь нам он оставил памятник своих работающих рук: «Руководство для наведения справок в алфавитных каталогах русского фонда ГПБ». В нем, капля по капле, собрано немало прекрасной, бессмертной, можно сказать, производственной мудрости за долгие годы его деятельности в Библиотеке. Эта работа свежа и оригинальна. Она привлекательна своим бескорыстным трудолюбием. Ей нет равной в нашей литературе по библиотечному делу, и Библиотека вправе ею гордиться. В свое время она получила

высокую оценку со стороны дирекции ГПБ. Николай Дмитриевич является родоначальником и всех наших трудов.

В такого рода работе, как наша работа по освоению и раскрытию книжного фонда, нельзя работать иначе, как неослабно, терпеливо, ежечасно передавая смене накопленный опыт. Нет такого всеобъемлющего труда пособия, протудировав которое ты можешь сказать, что уже все знаешь. «Руководство» Николая Дмитриевича дает чрезвычайно много, но не все. Помимо его здоровых и верных установок, образование новичка должно сопровождаться практикой. Все зависит от передающего и принимающего слова учителя. Надо хотеть и уметь передать и надо хотеть и суметь воспринять приемы и методы нашей чрезвычайно трудной и многообразной работы.

Николай Дмитриевич и хотел и умел передать, всегда готовый отложить работу и повернуть к вопрошающему свое внимательное лицо, переключаясь на его интересы. Если ничего нельзя было сделать, подтверждения Николая Дмитриевича было достаточно, чтобы ты спокойно поставил точку.

От него шли к нам навыки работы честной, до предела, всегда *de visu*, с проверкой показаний одного справочника другим, с закреплением найденного на карточке для будущего.

Не служебным принуждением веяло от работы Николая Дмитриевича, а радостным служением любимому делу и серьезным исполнением взятого на себя долга.

В приказе по Библиотеке от 20 октября 1939 г. по случаю 30-летия работы в ГПБ Н. Д. Игнатъева говорится о нем:

«Отмечая столь длительную работу Н. Д. Игнатъева, на протяжении всего времени, поставившего свои глубокие знания русской библиографии на службу широким читательским массам, воспитавшего многочисленные кадры работников библиографии, от лица всех сотрудников приношу Николаю Дмитриевичу глубокую благодарность и премирую его двухмесячным окладом».

Есть люди более сильные и более яркие, но не все одинаково охотно отдающие накопленное и расточающие свет своей лампы любому, кто приходит на этот свет.

На гостеприимный свет непогасающей лампы Николая Дмитриевича мог с легкой душой идти любой сотрудник и любой читатель. Свет этот потух только с его преждевременной кончиной, и стало много темнее и сумрачнее в нашей Библиотеке от многих померкших ламп в беспощадные годы войны.

Переходя к литературному наследию Николая Дмитриевича, прежде всего хочу сказать несколько слов о его «Руководстве для изведения справок в алфавитных каталогах русского фонда ГПБ» (Л., 1939). В нем заключены все принципы и установки, на которых он сам строил и предлагал молодежи строить свою производственную жизнь.

Вот выдержки из предисловия к нему, могущие стать афоризмами библиотечного дела:

«Чтобы проникнуть в книгохранилище, чтобы разобраться в нем, нужен ключ, и первым ключом к нему является алфавитный каталог».

«Библиотечные сотрудники, призванные наводить справки в алфавитных каталогах по читательским требованиям, являются теми ответственными работниками, которые открывают перед читателем богатейшие книжные сокровища нашей Библиотеки».

«Сотрудник должен всегда иметь ввиду, что громадное большинство книг на русском языке в Публичной библиотеке имеется, и нужно только приложить достаточно усердия и находчивости для их отыскания».

«Комплектование, каталогизация и другие виды библиотечной работы являются, если можно так вырваться, “библиотечным тылом”. Как бы “тыл” ни работал, ответственность перед читателем за библиотечную работу в целом несут “передовые позиции” в лице обслуживания, в частности, “Группа справок по каталогам”».

«“Группа справок по каталогам” является и своего рода контролирующим аппаратом, вскрывающим все недочеты алфавитного каталога, а равно и недостатки других видов работ Библиотеки».

Другой работой Николая Дмитриевича, в которую он вовлек и меня, к сожалению, так и оставшейся пока неотысканной, затерянной или засунутой куда-

нибудь в смятении блокадных дней, а, может быть, и погибшей — был труд его под заглавием «Материалы по истории Русского фонда (б. Русского отделения)». Работа, написанная по архивным данным Библиотеки, дающая историю Русского фонда, от начала его до 1930 г. с характеристикой всех заведующих б. Русского отделения. Глава об И. А. Крылове, написанная с подъемом и любовью, очень удалась Николаю Дмитриевичу.

Единственный, кажется, человек, который может свидетельствовать о написании указанной работы, это М. А. Брискман, которому она была передана для рецензии, и которую, помнится, он предполагал продолжать (начиная с 1931 г.).

Работая над библиографическим оформлением старого алфавитного каталога, Николай Дмитриевич, естественно, наткнулся на ряд трудностей при определении авторства того или другого лица, в частности, монашествующих. На этой почве возникли его «Материалы для словаря русских писателей. Поправки и дополнения к критико-биографическому словарю русских писателей и ученых, сост. С. А. Венгеровым», хранящиеся в Рукописном отделении.

Николай Дмитриевич также явно тяготел к краеведению. Плодом этого тяготения явились его «Материалы для библиографического списка указателей по местным вопросам. Дополнения к изданию проф. Б. М. Городецкого “Местная библиография России”» (Библиотечное обозрение. 1925. Кн. 2. С. 28–45). Кроме того, он принимал участие в составлении указателя «Библиография Таджикистана. Ч. 1. География и гидрология» (Л.: Акад. наук, 1933. (Труды Совета по изучению производительных сил. Серия “Таджикская”)) и др.

Заключение

Проходя по залам Русского музея или Эрмитажа и восторгаясь кистью или резцом бессмертных художников и ваятелей, чувствуешь, как нарастает в тебе горячая волна благодарности тем, кто бережно сохранил и хранит сокровища нашей страны. Те же чувства, мне кажется, должны обуревать наших современников, проходящих под сводами Библиотеки, и наших потомков, придущих еще в

последующие времена. Чувства благодарности собирателям, хранителям и знатокам громадных ее ценностей, рукописного и печатного слова.

К числу библиотекарей, заслуживших благодарные чувства от современников и потомков, принадлежит и Николай Дмитриевич Игнатъев.

Место Николая Дмитриевича надолго, а, может быть, и навсегда останется незанятым. Есть и сейчас достойные труженики в Библиотеке, и новые придут, будем надеяться, прекрасные мастера книжного дела, но не все, что знал, успел передать смене учитель, и в большом хозяйстве русского фонда всегда могут выявиться неизведанные уголки, где только его опыт и знание пришли бы на помощь.

Упрекнуть себя в этом Николай Дмитриевич никак не мог. Он радостно открывал свой ларчик с опытом и знанием для всех, кто был любознателен и трудолюбив, и искренне огорчался, если почему-либо в какой-нибудь день мало к нему обращались. Скажу и про себя: я гораздо большему научилась бы у своего наставника, если бы всецело отдалась одному только библиотечному делу.

Оглядывая опустевшие ряды библиотечных сотрудников, позволю себе утверждать: слишком много сразу больших мастеров ушло со сцены в тяжкие блокадные дни. Слишком много осталось подмастерьев. Катастрофически осиротела тогда Библиотека им. Салтыкова-Щедрина! Заполнить опустевшие места сразу было немислимо: для этого надо было прожить снова целые жизни ушедших от нас учителей и старших товарищей.

Отсутствие Николая Дмитриевича чувствовалось и сознавалось нами на каждом шагу. Вот еще чуть-чуть света, толчок, напоминание — и ты у берега. Но нет протянутой руки — и волны покрывают тебя с головой.

Немногие из нас могут сказать, что дома они продолжают свой рабочий день, начатый в Библиотеке. Обстановка царственных зал сменяется домашним уютом, но лампа освещает те же карточки, заметки, черновики. И те же привычные библиотечные проблемы идут знакомой чередой в сознании.

Так прожил свою жизнь Николай Дмитриевич Игнатъев.

Имя его не должно быть забыто в истории нашей Библиотеки. Оно заслужило благородную память последующих поколений.

Вот перечень некоторых печатных и рукописных трудов Н. Д. Игнатьева:

Руководство для наведения справок в алфавитных каталогах русского фонда Государственной ордена Трудового красного знамени публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1939.

Материалы для библиографии русской библиографии (Библиотечное обозрение. 1927).

Материалы для библиографического списка указателей по местным вопросам. Дополнения к изданию проф. Б. М. Городецкого «Местная библиография России» (Библиотечное обозрение. 1925. Кн. 2. С. 28–45).

Петербургский некрополь Т. 1–4. СПб., 1912-13. (Совм. с В. И. Сайтовым).

Садова М. А.

ОР РНБ. Ф. 666. Оп. 2. 1947. Д. 109. Л. 1–21.